

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эстебан Видаль
Почему Анархия — это не Демократия
19 ноября 2017 г.

Перевод скопирован с
<https://aitrus.info/node/5322> 2019-10-27,
оригинал доступен на
<https://www.portaloaca.com/pensamiento-libertario/textos-sobre-anarquismo/13274-anarquia-versus-democracia.html>

ru.theanarchistlibrary.org

Почему Анархия — это не Демократия

Эстебан Видаль

19 ноября 2017 г.

Сравнительно часто у некоторых авторов или участников либертарного движения можно обнаружить отождествление анархии с демократией. С этой точки зрения, анархия, как сценарий, возникающий в результате социальной революции, кладущей конец государству и частной собственности, представляет собой порядок, при котором правительственные функции, выполнявшиеся до этого специализированным персоналом государственных органов, берутся на себя всем обществом, так что решения принимаются непосредственно его членами. Эти члены обычно собираются на собрания-ассамблеи или публичные форумы.

Это так называемая прямая демократия – в отличие от демократии парламентской или представительной. Однако демократия как социально-политическая система соответствует идейно-политической традиции, имеющей вполне конкретное происхождение, во многих аспектах весьма отличное от либертарных положений. И это, вне

всякого сомнения, сказывается на результатах в каждом данном случае.

Не станем здесь устанавливать генеалогию демократии в рамках политической теории и истории политических систем. Достаточно установить некоторые черты, характеризующие ее и отличающие ее от анархии. Это, в конечном итоге, поможет выявить ошибку, которая возникает при отождествлении этих понятий.

Итак, в первую очередь, следует отметить, что демократия, по своей теории и практике, есть правительство большинства, и уже здесь достаточно очевидна глубокая разница, отличающая эту систему от анархии. По этой причине демократия, в принципе, есть отрицание свободы. По сути своей, демократия – это не что иное как деспотизм большинства, при котором сила числа позволяет ему навязать свою волю. Это, в конечном счете, ведет к примату чисто коллективного начала, в ущерб индивидуальной сфере, которая полностью устраняется. Субъект попросту не существует, поскольку именно воля большинства унитарным и централизованным образом концентрирует способность принимать решения, причем эта способность распространяется на все сферы.

Если взять, к примеру, Руссо, одного из главных идейных источников современной демократии, то мы обнаружим, в первую очередь, отсутствие субъекта в его политической мысли, поскольку он считал, что все находящееся вне общества, не заслуживает того, чтобы с ним считались. Сообщество, а точнее, народ, охватывает все. Руссо выступал против любого понятия индивидуальности, выстроив свою особую философию в противовес индивидуализму своего времени, который был основан на восприятии рационального эгоизма как этически положительного начала. Руссо же, напротив, исходил из существования общих чувств, считая их основой для существования уз между

ского якобинства и террора, которые нашли свое наиболее недвусмысленное выражение в демократии как форме правления: особый тип тоталитаризма, при которой субъект не существует, поскольку масса, представленная большинством, – это всё и правит всем.

Хотя демократия, конечно же, это оспариваемое по смыслу понятие, которому приписываются различные значения, с позиции разных идеологий, тем не менее, в соответствии с уже сказанным, остается совершенно очевидным то, что она существенно отличается от анархии. Это проявляется не только в идеологическом багаже, стоящем за демократией, с ее соответствующими интеллектуальными выражениями и различной практикой реализации. Отличие между ними отражается также в столь разных сценариях, которые почти неизбежным образом порождают, соответственно, демократия и анархия. Вот почему совершенно неудивительно то, что старые и новые тоталитарные движения теперь заявляют о себе как о демократах – от обветшавших левых до неонацистского популизма. Власть, так или иначе, всегда стремится к более тесному контакту с населением, чтобы иметь как можно более широкую социальную базу, потому что, таким образом, эта власть возрастает и усиливается. Именно эту задачу демократия выполняет с замечательным успехом. Эта система правления оказывается простой диктатурой большинства, при которой на индивида возложены обязательства в форме права быть его рабом. Анархия, напротив, – это мечта наяву, мечта пробудившихся, которые стремятся разорвать тот порочный круг власти, разрушающий и извращающий все на своем пути, потому что они понимают, что свободное общество невозможно без свободных людей.

членами сообщества; поэтому нравственность личности для него неминуемо была нравственностью группы. Речь шла о нравственности, которая всегда постулировала подчинение группе и соответствие ее воле.

Не подлежит сомнению, что такой подход оставляет очень мало личной свободы: ведь индивид практически ничего не значит. Сообщество же предстает как наивысшая этическая ценность вплоть до того, что все, находящееся вне его, стоит вне морали, поскольку именно от него индивиды получают свои духовные и этические качества, благодаря которым только и становятся людьми. Более того, сообщество, являясь реальными узами, связующими своих членов, образует единую «моральную личность». Таким образом, оно обладает волей, которая, согласно Руссо, есть общая воля, направленная на сохранение общего блага и каждой из частей в отдельности. В то же самое время, она – это источник законов и таким образом формирует норму в отношении того, что справедливо, а что несправедливо. Это означает, что общая воля отвечает за регулирование поведения членов сообщества.

Из всего вышесказанного вытекает понятие сообщества, в котором его члены не имеют никаких прав против него, как целого. Это происходит потому, что Руссо отвергал идею естественного состояния, которую отстаивали другие философы его времени: субъект, считал он, приходит в мир в обществе, которое не им было создано, но предшествует ему и, более того, основано на общем чувстве его членов. Следовательно, согласно этой точке зрения, вне сообщества нет индивида, и индивид всем обязан сообществу, к которому он принадлежит. Именно общая воля осуществляет руководство всем сообществом.

Действительно, Руссо суммировал это, заявив, что «каждый из нас, вместе с другими, ставит свою личность и всю свою власть под верховное руководство общей воли; и мы

получаем в теле каждого члена неотъемлемую часть целого»¹. Субъект растворяется в сообществе, которое через общую волю руководит своими членами. Превосходство сообщества настолько велико, что именно благодаря ему индивид становится человеком. Но что здесь важно, так это то, что общая воля представляет собой единый акт по отношению к сообществу, то есть, обладает особым коллективным благом.

Иными словами, сообщество живет своей собственной жизнью, осознает своё собственное предназначение и разделяет свою собственную судьбу. Таким образом, сообщество превосходит сумму своих частей, имея собственную волю, которая является общей волей, действующей как универсальная и принудительная сила, которая движет и располагает каждую из сторон так, как это удобно для целого. Любое право, которое может существовать, может быть дано только внутри сообщества, так что право каждого человека всегда подчинено праву, которое сообщество имеет над всеми. Именно сообщество принимает решения и определяет границы сферы индивидуального, а вместе с тем – и те права, которыми, вероятно, может воспользоваться субъект. Индивидуальные права и свободы становятся в итоге уступкой, подчиненной опеке со стороны сообщества, которое посредством своих законов и установлений занимается их регулированием сообразно общему благу. Определять, что является общим благом, должна общая воля. Поэтому, по этой логике, не существуют права, нерушимые по отношению к общему благу, и, в конечном счете, абсолютных прав и свобод нет вообще: ведь они – не что иное как ограничение общей воли. Именно эта последняя и считается абсолютной, священной и нерушимой.

---

¹ Sabine, George H., Historia de la teoría política, Madrid, Fondo de

основаны не на богатстве или власти, монополизированным некоторыми из его членов, но на развитии каждым своих собственных личных способностей. Наоборот, демократия, включая прямую, отнюдь не несовместима с социальным неравенством, и, тем самым, с существованием классового общества. Демократия создает реорганизацию власти, путем которой большинства, отождествляемые с народом и общей волей, начинают занимать место государства. Сообщество становится гораздо более широкой, концентрированной, централизованной и грубой властью, чем государство, ибо, в отличие от него, не имеет никаких ограничений в своих законодательных возможностях. Демократическое правительство осуществляет слияние между народом и государством в такой форме, что так называемая общественная функция способна обеспечить максимальную легитимность, учреждая администраторов, представителей, комитеты, постоянные секретариаты и т.д. Они, даже без необходимости выполнять свои обязанности профессионально, сами по себе составляют власть. Ведь они имеют исполнительные функции, каковые осуществляют под прикрытием того, что будто бы являются простыми администраторами, отвечающими за применение общей воли. Вместе с тем, демократия является также угрожающим режимом в той мере, в какой абсолютно все может быть закреплено законом и, как следствие, подвергаться проверке, регулированию и надзору со стороны нового божества, воплощением которого служат народ и его общая воля.

Централизаторский характер демократии действующий как центрирующая сила, оказывает унифицирующее воздействие, при котором индивидуальность полностью сглаживается и сметается, так что субъект теряет всякую автономию и личностность, подчиняясь прихоти общей воли сообщества. Это объясняет бред республикан-

всегда может изучить форму, при которой большинство и меньшинство смогут временно разделиться так, чтобы каждое из них руководствовалось своими собственными предпочтениями. Если расхождения по определенному вопросу непримиримы, у меньшинства всегда сохраняются два варианта действий. Оно может в этом конкретном случае пойти с большинством и счесть гармонию и совместное существование больше ценностью, чем данная проблема сама по себе. Существует также возможность, что большинство попытается достичь примирения с меньшинством при решении какого-то другого вопроса. Но если все это не удастся, то у меньшинства остается второй вариант – отделиться и создать другое сообщество, в котором будет воссоздана анархия. Хотя по отношению к этатизму отделение не служит аргументом, поскольку подчиняется иным соображениям, оно не отменяет анархию как систему. В этом отношении стоит напомнить о том, что анархия – это не безукоризненная система, а такая, которая лучше, чем остальные.

Как можно видеть, различия между анархией и демократией значительны, и это открыто ставит под вопрос то отождествление, которое иногда делается между ними, когда анархию характеризуют как особую форму демократии, обыкновенно обозначаемую как прямая демократия. Однако ко всему сказанному следует добавить, что анархия, как сценарий, являющийся результатом социальной революции, несет с собой целый ряд преобразований, затрагивающих всю сферу человеческой жизни, включая самые устои нынешнего буржуазно-капиталистического общества. Что касается этого, анархия предусматривает формирование бесклассового общества, в котором существуют не только условия для разумной свободы на индивидуальном и коллективном уровне, но и социальное равенство. Благодаря этому равенству, различия внутри сообщества

Таким образом, общая воля не терпит оппозиции, что непосредственно ведет к применению принуждения против любого, кто отказывается ей повиноваться. Руссо считал это формой, обязывающей непокорного человека быть свободным. Поэтому принуждение, согласно этой точке зрения и вытекающей из нее логике, не является, принуждением, как таковым: ведь если человек хочет индивидуально чего-либо иного, нежели ему дает общественный порядок, то это всего лишь его каприз. В действительности, такой человек сам не знает, в чем его благо и каковы его собственные пожелания. По сути, речь идет о чистом урезании свободы, которое представляется как форма ее увеличения, точно так же как принуждение не представляется как принуждение, поскольку заявляется, что с его помощью осуществляется общее благо.

Результат всего этого, как уже было сказано, – полное подчинение индивида сообществу, вплоть до ликвидации первого, если его убеждения вступают в противоречие с убеждениями сообщества. Таким образом, тенденция демократии – это поиск единодушия, что совершенно явно вредит индивидуальности и ее разнообразию. Индивид же является придатком сообщества, поскольку именно оно определяет сферу частного суждения. Народ, как организм, суверенен, а правительство – это орган, обладающий делегируемыми ему властными полномочиями, которые могут быть отняты или изменены, в соответствии с общей волей. Демократия, в данном случае, прямая, осуществляется самим народом на ассамблее, поскольку его суверенитет не может представлять никто, ибо тем самым возникнет узурпация или подмена народа. Однако законодательная возможность народа, как она выражена, неограничена, поскольку он имеет право вмешиваться в сферу индиви-

дуального и определять ее рамки. А его общая воля не подлежит апелляции, требуя полного повиновения. Вот почему демократия ведет к деспотизму большинства, которое и определяет общую волю. Воля большинства превращается в закон, который осуществляется, обладая силой, необходимой для применения в отношении тех, кто ей не подчиняется. Все это ведет к тому, что демократия, в конечном итоге, является системой голосований, в которой индивиды, превращенные в простые номера, выступают в роли большинства и меньшинства, победителей и побежденных. с соответствующей конкуренцией. Главной здесь является сила голоса, а аргументы и разумность служат лишь элементами, которые оправдывают эти меняющиеся соотношения сил между большинством и меньшинством.

Обязательность решений общей воли, благодаря опоре на принуждение в соединении с всемогуществом большинства, аннулирует всякую индивидуальную свободу и автономию. Это создает ситуации, при которых, к примеру, большинство навязывает свою особую религиозную идею, лишая меньшинство свободы и возлагая на него подати для покрытия расходов на молебны, в действительность которых это меньшинство не верит. Или когда большинство объявляет себя патриотами и демократическим путем заставляет меньшинство проливать кровь за дело, совершенно ему неизвестное. То же самое происходит, если большинство выступает сторонником капиталистической системы и тем самым демократическим путем лишает инакомыслящее меньшинство его экономической свободы, навязывая отношения эксплуатации.

Демократия предполагает обязательность решений, принятых большинством, и это, в свою очередь, порождает существование исполнительной власти и механизмов принуждения, чтобы перебороть волю инакомыслящих, составляющих меньшинство. Таким образом, демократии

соответствующих соглашений. Речь идет об органе принятия решений, на котором может присутствовать любой житель и на который никто не выбирается. Методология, провозглашаемая постулатами безвластия, приводит к тому, что отношение к вопросам, обсуждаемым на ассамблее для принятия решений, весьма сильно отличается от демократической динамики. Поскольку общая деятельность ее участников ориентирована на сотрудничество, победить отнюдь не является главной целью. Скорее, важность, которая придается товариществу, сосуществование и хорошие отношения ведут к тому, что достигаемое в результате принятых решений становится победой всех членов сообщества.

Из этого следует, что демократический механизм принятия решений, основанный на голосовании и низводящий индивид до роли простого числа, по самой своей природе имеет тенденцию к урезанию совместного существования. Напротив, либертарный метод предполагает коллективную работу на ассамблее, которая стремится к принятию компромисса путем создания широких консенсусов.

Как можно быстро установить, анархизм не предлагает некую единую процедуру в момент достижения соглашений, но предоставляет общие рамки, в которых вдохновляющие его принципы служат руководством для их практического применения при каждом конкретном условии. Поэтому не следует забывать о таких ситуациях, при которых первоначально невозможно достичь компромисса, позволяющего придти к соглашению, и существуют различные формы возможного решения. Весьма часто в такого рода случаях принятие соглашения откладывается, если речь не идет о вопросе, требующем немедленного решения. Таким образом сообщество может еще поразмыслить и обсудить проблему до следующего собрания. Если, тем не менее, придти к соглашению не удастся, сообщество

ным образом нести ответственность за их применение на практике.

Нередко утверждается, что выработка консенсусов, позволяющих применять соглашения, – вещь весьма сложная, и это отражает невозможность осуществлять на практике либертарные постулаты в организации общества. Однако, как уже объяснялось, анархия возможна лишь при наличии целого ряда предварительных условий – таких, как уже были названы выше. Анархии не может быть в таком обществе, какое господствует сегодня, поскольку ряд благоприятных условий отсутствует. Это особенно ясно в той мере, в какой анархия невозможна в массовом обществе, в котором население не знает друг друга. Напротив, анархия, где решения принимаются на как можно более «низком» общественном уровне, может существовать только в местных сообществах настолько небольших по размерам, что их члены знакомы друг с другом, и существуют связи семейные, связи дружбы, мнений, общих интересов и т.п. Такой контекст известным образом побуждает членов общества сознавать важность принимаемых ими решений: ведь им придется жить согласно следствиям, вытекающим из этих решений. Как бы то ни было, анархия предполагает, что решения принимаются самими индивидами, без вмешательства в эти решения какого-либо иного лица. Решения, принимаемые в небольших группах, находятся в исключительной ответственности их членов в той мере, в какой они не затрагивают других. Если же решения обладают более широким влиянием и затрагивают все сообщество в целом, они принимаются на соответствующем уровне, каковым является народная ассамблея – общее собрание. Ассамблея, отнюдь не являясь законодательным собранием или парламентом, представляет собой форум, на который члены сообщества собираются для разрешения тех вопросов, какие являются общими для всех, и принятия

не знают никакого ограничения для осуществления общей воли, и индивид остается обреченным на условия раба большинства, которое наделено полномочиями издавать законы, нормы и установления обо всем, о чем пожелает, и, в то же самое время, требовать как можно более полного повиновения. При формальном равенстве, которое никоим образом не затрагивает сферу экономики, индивид находится в порабощении у тирании большинства и обречен на условия номера, неспособного освободиться от пагубного влияния множества.

Все описанное выше находится в полном контрасте с анархией и, в конечном счете, с либертарными принципами. Здесь необходимо сделать несколько уточнений, прежде чем объяснить принципиальные отличия анархии от демократии. Они достаточно заметны, с точки зрения разума и истории.

Прежде всего, следует отметить, что начала современного анархизма как идейно-политического течения различны, и можно выделить два разных уровня. С одной стороны, в плане ученой культуры, мы обнаружим, в качестве главного предшественника анархизма как политической философии Уильяма Годвина, за которым последовали позднее различные видные мыслители, такие как Прудон и Бакунин. С другой, в плане народной культуры, мы обнаруживаем социальную практику, развившуюся в первобытных обществах на различных континентах, о чем писал Петр Кропоткин в труде «Взаимопомощь». Эти общества представляли своего рода неосознанный анархизм в той мере, в какой их форма организации и жизни во многих аспектах совпадала с безвластническими принципами, поскольку в них не существовало частной собственности, власти и каких-либо институтов принуждения, а решения принимались коллективно на общем собрании-ассамблее.

Анархизм как современное социальное, политическое и идейное массовое явление стал результатом плодотворного взаимовлияния между ученой культурой и, тем самым, философских творческих усилий важнейших мыслителей, составивших либертарную традицию, и народной культуры изначальных обществ. Это объясняет, почему анархизм смог в различных местах стать массовым явлением, и население испытало к анархистским идеям особую симпатию, поскольку он, в известной мере, соответствовал его образу жизни и мировосприятию.

Среди главных различий, которые можно установить между анархией и демократией, наиболее важными являются, пожалуй, два. С одной стороны, это отрицание принципа власти (авторитета), что уже само по себе предполагает противостояние любой форме правительства, понимаемого как источник всякого зла. С другой, это та ценность, то значение, которые анархизм придает индивиду.

Что касается этого последнего, интересно отметить, что либертарная мысль формировалась в значительной степени с опорой на некоторые просветительские и либеральные идеи, которые считали индивид основой своего философского и политического проекта. Тем не менее, анархизм не просто воспринял идею существования субъекта с его собственной личной сферой и соответствующей автономией, но и сумел интегрировать его в сообщество, сочтя, что индивид не может жить изолированно, как провозглашает либерализм, представляющий индивид фактически в качестве атома. Таким образом, анархизм в состоянии понимать индивид как часть сообщества, но это не предполагает его растворения и утраты ни его личности, ни его собственной личной сферы, ни его соответствующей автономии. Либертарная мысль не понимает анархию как порабощение индивида сообществом, как это происходит при демократии, но признает важность индивида

ное делегирование власти с конкретным и временным мандатом и возможностью переизбрания в любой момент. Анархия же не считает ничего из этого обязательной потребностью для общества, в принципе отказываясь от существования любого типа исполнительной власти, независимо от той формы, в какой она проявляется, и тех ограничений, каким она может быть подвергнута, как это имеет место в различных версиях демократии. Напротив, анархия представляет общие рамки совместной жизни, в которых каждое сообщество избирает конкретную форму разрешения организационных вопросов, касающихся этой совместной жизни и ее собственного существования. Она не прибегает при этом к формированию исполнительной власти, при которой некие делегаты действуют внутри самого сообщества, быстро превращаясь в угрозу для свободы, становясь источником эксплуатации и господства, что ведет к репрессивным режимам.

Точно так же, в чисто практическом смысле, следует отметить: то, что при анархизме существование администраторов в качестве делегатов, уполномоченных сообществом, не считается необходимым, – совершенно логично. Ведь анархия предполагает ситуацию, при которой степень институционализации сообщества минимальна, что вытекает, прежде всего, из его небольших размеров и отсутствия сложности. В таком контексте делается ненужным существование должностей, которые – пусть даже не будучи постоянными – осуществляют делегированные полномочия. Так, по контрасту с демократией, при анархии проявляется тенденция, в соответствии с которой само сообщество, собравшись на ассамблею, занимается определением того, на кого возлагается ответственность за исполнение решений, принятых в каждом конкретном случае, и каков конкретный способ их исполнения. Это отнюдь не мешает самому сообществу в целом согласован-

шестве, в действенный общий договор таким образом, что принимаемое решение будет удовлетворять все стороны.

Либертарный подход к процессам принятия решений в рамках народной ассамблеи предполагает не только существование этичных индивидов, но и готовность к сотрудничеству, и известную эмпатию, которая позволяет каждой из сторон встать на место других. Эти факторы, не забывая о той роли, которую играет наличие общих ценностей, и делают возможной совместную жизнь без принуждения, на основе свободного согласия. Всё это, в свою очередь, предполагает несуществование власти и, прежде всего, постоянных структур принуждения, могущих, в конечном счете, служить для того, чтобы навязывать принятые решения.

Свободное соглашение предполагает добровольное участие членов сообщества в осуществлении решений, принятых на ассамблее. Точно так же, соглашение является свободным в той мере, в какой оно опирается на добровольность и отсутствие инструментов принуждения, обязывающих к его выполнению. Исполнение соглашений зависит от тех, кто их принимает. Из этого следует, что сообщество, в конечном счете, является союзом разных индивидов на благо их самих, так что целое ничего не навязывает своим частям; каждый индивид также не обязан принимать какое-либо коллективное решение, которое его не устраивает или которое ему не подходит. Благодаря этому, индивид выступает хозяином самого себя вместе с остальными, и сохраняется возможность отстраниться от решений, с которыми он не согласен, равно как и возможность при желании покинуть сообщество, к которому он принадлежит, и присоединиться к какому-то другому.

Прямая демократия предусматривает существование публичных должностных лиц, таких как секретари, судьи, администраторы и т.д., которые представляют ограничен-

как субъекта, обладающего собственной личностью, и одновременно воспринимает его как часть широкого и разнообразного сообщества, в котором каждая личность сохраняет свою индивидуальность. Тем самым, демократические унификация и коллективизм, идущие против индивида и растворяющие его в единообразной массе в результате централизации, не являются частью либертарного проекта.

С другой стороны и как следствие сказанного выше, общество, понимаемое как разнообразная и многообразная реальность, состоящая из субъектов, обладающих собственной индивидуальностью и личностью, не допускает наличия структур принуждения и власти, которые управляли бы этим сообществом или которые в данном случае исполняли бы правительственные функции от его имени либо действовали бы под предлогом чисто административным. Напротив, организация общества основана на непринудительном совместном существовании тех, кто его составляет, на основе свободного договора и, следовательно, добровольности.

Таким образом, анархия образует сценарий, в котором коллективная сфера занимает определенное место, ограниченное тем, что необходимо исключительно для того, чтобы сделать возможным такое совместное сосуществование. Это означает, что индивид обладает максимальной свободой и автономией для полного развития своих способностей и личности. Такое возможно, поскольку анархия означает, что коллективные решения принимаются на основе свободного договора, и происходит это в таком пространстве принятия решений, как народные собрания-ассамблеи.

Таким образом, анархия предполагает различие между сферами коллективного и индивидуального. То, что касается всего сообщества, сводится исключительно к тем

вопросам, которые непосредственно затрагивают коллективное совместное существование. Анархия ограничивает и очерчивает коммунитарную сферу и обеспечивает индивиду максимальную свободу. Это прямо противоположно демократии, которая, наоборот, занимается тем, что ограничивает, очерчивает и даже ликвидирует сферу индивидуального в пользу сообщества, которое обладает тем самым максимальными возможностями для того, чтобы издавать законы обо всех сферах жизни людей, включая и индивидуальный уровень. Так при анархии сообщество через свою ассамблею принимает решения только в своей собственной сфере, тогда как частная и индивидуальная сфера остается за пределами ее действий. Это возможно благодаря тому, что члены сообщества индивидуально сохраняют больше, чем уступают сообществу. Точно также, ограничение чисто коллективной сферы предполагает, в свою очередь, функциональное ограничение возможности народной ассамблеи принимать решения, что выражается в социальной организации, для которой характерен минимум норм, совершенно необходимых для совместного существования.

Поскольку анархия предполагает общество, состоящее из этических индивидов, количество норм, организующих такое совместное существование, по необходимости, минимально. Они ограничены сферой договоренностей по таким вопросам, которые имеют жизненно важное значение для самого существования сообщества, и выражают такие договоренности. Из этого вытекает, что общество, состоящее из этических индивидов, мало нуждается в нормах, тогда как в обществах, где норм в избытке, мало свободы. В этом смысле, анархия ведет к минимальной организации общества и создает мало институционализированное общество, что находится в явном контрасте с государственным порядком, для которого, наоборот, характерна тенден-

ция к установлению максимальной организации общества, выраженной в высокой степени институционализации.

Но не менее важна, чем все предыдущее, сама форма, в которой, в соответствии с либертарными принципами, происходят процессы принятия решений на ассамблее. в то время как демократия основывает свои решения, главным образом, на силе большинства и, в конечном счете, на силе голосования, анархизм исключает эту динамику большинства и меньшинства, выигравших и проигравших, победителей и побежденных, – динамику, которая питает конкуренцию, ослабляет социальные связи и разрушает свободу, будучи основана на постоянном навязывании объективной общей воли. В отличие от демократических средств, превращающих ассамблею в пространство борьбы за власть, где возникают фракции, стремящиеся утвердиться над другими, где появляются демагоги всех видов, пытающиеся временами обмануть публику, разрабатывающие тайные союзы и таким путем фальсифицирующие решения, – анархизм использует совершенно иной процесс принятия решений. В этом отношении либертарная мысль, ставя вопрос о коллективных решениях, проявила особую чувствительность к важности и необходимости сохранения совместного существования и социальной связи, которые представляют основополагающие ценности для существования сообщества.

Поскольку доброе совместное существование и социальная связь так важны, они могут достигаться лишь посредством свободного соглашения и общего обладания богатствами. Это означает, что соглашения достигаются не посредством навязывания воли большинства. Напротив, они являются результатом коллективных усилий, направленных на выстраивание консенсуса, который и делает возможным такие соглашения. Это означает интеграцию различных позиций, которые могут существовать в сооб-